

**ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ПЛИТАХ ОГРАД ТАГАРСКИХ КУРГАНОВ
(Тепсейский археологический комплекс)**

О. С. Советова, О. О. Шишкина

**IMAGES ON THE PLATES OF TAGAR KURGAN'S FENCES
(Tepsey archaeological complex)**

O. S. Sovetova, O. O. Shishkina

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России № 33.1175.2014/К.

Статья посвящена анализу рисунков на камнях тагарских курганов под горой Тепсей на Енисее, представляющих отдельную группу изобразительных источников по истории Южной Сибири. Самые ранние рисунки относятся к подгорновскому этапу тагарской культуры, самые поздние – к этнографическому времени. Наиболее представительны и разнообразны петроглифы тагарской культуры, которые имеют непосредственное отношение к захоронению, что позволяет углубить наши знания о мировоззрении тагарского населения. Более поздние рисунки не имеют прямого отношения к захоронению, но предоставляют новые данные о ряде действий, соответствовавших определенным нормам обрядового поведения. Сюжеты рисунков на курганных камнях разнообразны: это антропоморфные, зооморфные и абстрактные фигуры, тамгообразные знаки и др. Петроглифы выполнены различными техническими приемами (выбивка, гравировка, выбивка с элементами шлифовки). В целом рисунки позволяют углубить знания о культово-обрядовой практике населения Южной Сибири на протяжении ряда эпох.

The paper analyzes the petroglyphs on the rocks of Tagar mounds (kurgans) under the mountain Tepsey on the Yenisei, which represent a separate group of pictorial sources on the history of Southern Siberia. The earliest petroglyphs belong to the Podgornovo stage of the Tagar culture, the latest – to the ethnographic time. The most representative and varied petroglyphs belong to the Tagar culture. Petroglyphic images are quite different: anthropomorphic and zoomorphic images, abstract figures, tamgas etc. The petroglyphs show various techniques. Analysis of these images discovers the new sides of world outlook of their creators and gives the whole picture about the particular time.

Ключевые слова: Тепсейский археологический комплекс, рисунки на курганных камнях, хронологические группы изображений.

Keywords: Tepsey archaeological complex, petroglyphs on rocks mounds (kurgans), chronological groups of petroglyphs.

Сегодня становится очевидным, что рисунки на курганных камнях являются важным изобразительным источником по истории Южной Сибири. Их особая ценность обусловлена тем, что в отличие от рисунков на скалах, они связаны с археологическими комплексами, из которых происходят. Иногда рисунки наносились специально для конкретного погребения или курганной конструкции, являясь частью культово-обрядовой практики. Также могли быть переиспользованными – в этих случаях плиты с рисунками ранних эпох включались в конструкции более позднего времени. Те камни, которые находились в наземной части курганов, оставались доступными художникам последующих эпох. Одну из разновидностей памятников наскального искусства представляют камни с рисунками из могильников тагарской эпохи.

Интерес к рисункам, нанесенным на грани камней тагарских курганов, являющихся «визитной карточкой» древностей Минусинской котловины, на отдельные стелы и плиты, лежащие в степи, проявился уже в период академических экспедиций в начале XVIII в. (особенно следует отметить деятельность Д. Г. Мессершмидта). Позднее они продолжали привлекать исследователей и путешественников (среди них были Д. А. Клеменц, И. П. Кузнецов-Красноярский, А. В. Адрианов), попадали в публикации (И. Т. Савенков, Я. Аппельгрэн-Кивало, С. В. Киселев, Э. Р. Рыгдылон и др.) [23, с. 57]. Ввиду разных обстоятельств этот вид

древнего искусства до настоящего времени остается слабо освещенным в литературе, хотя можно констатировать некоторое оживление исследовательского интереса в последние годы. К сожалению, далеко не весь материал публикуется и остается разрозненным. Пока в научный оборот монографически введены только рисунки Шарыповского района Красноярского края [29].

Одним из уникальных в археологическом отношении, особенно в плане насыщенности изобразительными памятниками (к которым относятся рисунки на открытых скалах, на курганных камнях, отдельных плитах и т. д.), представляется один из регионов Южной Сибири, названный Д. Г. Савиновым «Тепсейским петроглифическим микрорайоном», включающий несколько комплексов наскальных изображений: Оглахты, Куня, Суханиха, Моисеиха, Тепсей, Усть-Туба, Туран и др., объединенных могучей рекой Енисей. Современное административное деление весьма условно (по правому берегу реки – Красноярский край, по левому – Хакасия), поскольку как в древности, так и в современном мире, людей объединяет и разъединяет река, а не искусственно проведенные границы. Эта территория играла в древности роль одного из центров культурогенеза. Археологические материалы свидетельствуют о многочисленных связях древнего населения в разные исторические эпохи. Наскальные рисунки датируются в широком хронологическом диапазоне от эпохи камня до этнографиче-

ского времени. При всей уникальности каждого памятника их объединяют общие образы и темы, изобразительные традиции, а иногда и «рука» одного мастера. О контактах свидетельствуют также и древние могильники, на курганных камнях которых нанесены изображения, имеющие совершенно явную перекличку. Люди перемещались на лодках (их изображения нанесены на скалы), чему способствовали многочисленные острова, пользовались переправами, дорогами (на рисунках изображены разные виды транспортных средств), зимой ходили по льду (в том числе, вероятно, и на лыжах – фигуры лыжников также известны в наскальном искусстве).

Цельное представление о той или иной исторической эпохе можно получить, лишь изучив всю совокупность источников, в том числе и изобразительных, хотя в силу разных причин выявить последние, а затем сопоставить их с вещественными, удастся далеко не всегда. В данном контексте уникальным является хорошо известный в науке Тепсейский археологический комплекс (Краснотуранский район Красноярского края) [11]. Проведенные здесь в разные годы раскопки, начиная с аварийных работ при подготовке ложа будущего Красноярского водохранилища на надпойменной террасе Енисея у горы Тепсей в 1960 – 70 гг., и более поздние предоставили значительный свод источников в хронологическом диапазоне от эпохи камня до средневековья. Но сегодня совершенно очевидно, что картина была бы далеко не полной, если бы не имеющиеся здесь массовые изобразительные материалы – знаменитые таштыкские обугленные плакетки, обнаруженные при раскопках в таштыкском склепе № 1 в пункте Тепсей III [11, с. 105], рисунки на скалах [35, с. 148 – 149; 31 и др.], а также на камнях и плитах тагарских курганов [34].

К сожалению, устойчивого исследовательского интереса к рисункам на камнях могильных сооружений долгое время не проявлялось, исследовались они эпизодически и никогда не были основным объектом изучения. Разведки последних лет свидетельствуют о том, что значительный изобразительный компонент скорее всего навсегда утрачен (в ходе этих разведок обнаружены рисунки на отдельно лежащих в местах бывших раскопов плитах, на гранях курганных камней и т. д.), поскольку публикаций рисунков, нанесенных на камни внутренних и внешних конструкций курганов практически нет. Этот факт, вероятно, связан с аварийным характером проводимых здесь работ, не позволившим исследователям должным образом задокументировать этот вид источников. О том, что рисунки все-таки встречались на камнях могильных конструкций, свидетельствуют упоминания разных авторов. Так, М. П. Грязнов писал, что в «склепе 2 на одной из стенок детского ящика-гробика была изображена большая фигура воина, выполненная в стиле знаменитых тепсейских планок» [11, с. 145 – 146]. Н. А. Боковенко сообщил о плите с выбитым изображением всадника, обнаруженной в процессе раскопок таштыкского склепа № 2 в пункте Тепсей III [1, рис. 2 – 3]. Если второе из упомянутых изображений было опубликовано, то первое было введено в научный оборот лишь десятилетия спустя после раскопок. Опубликовавшая его Э. Б. Вадецкая писала так: «Здесь изображен человек высотой в 16,5 см, одетый

в длинную рубаху-платье и шаровары. На груди на длинных ремешках подвешен мешочек, орнаментированный 6-ю поперечными полосами. Левая рука согнута в локте, кисть не видна, словно человек что-то прячет за спиной. Правая рука резко поднята вверх, кисть разрушена» [5, с. 16]. В отличие от М. П. Грязнова, эту фигуру она атрибутировала как «служителя культа», а не воина [5, с. 16]. С. В. Панкова в одной из работ отмечала наличие многочисленных гравировок в склепах, расположенных в непосредственной близости от Волчьего лога (пункт Тепсей II) [21, с. 52].

Первым обратил внимание на рисунки с курганных камней под горами Тепсей и Туран Д. Г. Савинов. В 1960 – 70-х гг. он обследовал могильники в нескольких пунктах: у горы Туран, в Малиновом логу и непосредственно под горой Тепсей, материалы которых позднее были им частично опубликованы [23]. Изучением рисунков на могильных плитах тагарских курганов Минусинской котловины в 1983 – 1984 гг. занимались Т. В. Николаева (Кемерово) [18], Н. А. Боковенко (Санкт-Петербург) и Н. В. Леонтьев (Минусинск) [2, с. 192]. В поле зрения Т. В. Николаевой оказались некоторые рисунки на курганных камнях под горой Тепсей и в Малиновом логу, в частности, изображения с пунктов Тепсей XVI и Тепсей VIII. У других исследователей в некоторых публикациях также встречаются упоминания о рисунках на плитах оград тагарских курганов из данного микрорайона. Например, Н. А. Боковенко нашел изображение птицы, выгравированной на плите тесинского кургана Тепсей XVI, которое автор характеризует как «образ отлетающей души» [12, с. 78]. Недавно Е. А. Миклашевич была опубликована выразительная композиция с торцевой грани одного из курганных камней пункта Тепсей VIII [17, рис. 2.2]. В 2013 – 14 гг. документированием рисунков на курганных камнях под горой Тепсей и в Малиновом логу занимался Тепсейский отряд КемГУ (под руководством О. С. Советовой). Всего обнаружено 50 камней с рисунками. В ходе работ было выявлено, что некоторые изображения заросли лишайниками, сильно выветрены или скрыты землей. Изображения выполнены разными техническими приемами (выбивкой, гравировкой, выбивкой в сочетании с шлифовкой), стилистически разнообразны. Основные образы: антропоморфные фигуры (их подавляющее большинство), изображения животных, абстрактные фигуры, знаки, тамги; нередко встречаются многофигурные композиции. Большинство рисунков было создано, вероятно, одновременно с сооружением курганов, т. е. в тагарскую эпоху. Но на камнях имеются и рисунки более поздних эпох (они отличаются стилистически, технически, набором образов и др.). Помимо этого, обнаружены плиты с рисунками вне курганных конструкций. Скорее всего, они были извлечены непосредственно из могильного сооружения при раскопках, затем их могли с разными целями перемещать. Такой случай зафиксирован нами в 2014 г., когда при обследовании в весенний период одна из плит с рисунками была зафиксирована в одном положении, а летом оказалась уже в другом, очевидно, благодаря проявленному к рисункам «интересу» туристов. Поэтому в настоящее время очень трудно связывать их даже с конкретным могильником, так как картина коренным образом изменилась со време-

ни проведения здесь раскопочных работ. Исследователи уже отмечали тот факт, что, например, в юго-западной части могильника Тепсей VII, на мыске, где располагалась обособленная группа богатых тесинских могил, поверхность террасы была сплошь покрыта беспорядочно разбросанными камнями – это были развалы разрушенных грабителями надмогильных сооружений [11, с. 77]. И сегодня здесь бывают так называемые «черные археологи».

Изображения на курганных камнях, несомненно, связаны с погребальным обрядом и являются неотъемлемой частью Тепсейского археологического комплекса. В целом здесь были обнаружены захоронения от афанасьевской культуры до кыргызского времени. По нашему мнению, самые ранние рисунки относятся к подгорновскому этапу тагарской культуры. Наблюдения показывают, что изредка создателями курганов могли использоваться камни, на которых в более раннее время уже были нанесены изображения. Такие случаи известны и в других местах Минусинской котловины [27]. С большими оговорками к переиспользованному можно отнести камень из конструкции тесинского склепа Тепсей XVI, на одной из граней которого нанесено животное ногами вверх, расположенное в нижней части камня. Насколько этот рисунок моложе времени создания курганной конструкции, сказать сложно (возможно, перевернутое животное могло означать, что оно мертво). Но стилистически этот персонаж отличается от других изображений этой плоскости, выполненных в иной манере и другими техническими приемами. Можно лишь отметить, что здесь находился большой карасукский могильник (Тепсей XIV – XVI), к которому был пристроен тесинский склеп [11, с. 29 – 33].

Разумеется, что наиболее внушительен пласт рисунков тагарской эпохи. Основная масса рисунков этого хронологического периода была обнаружена в пункте Тепсей VIII, где раскопки не производились. Основные тагарские материалы получены при раскопках в пунктах Тепсей III, IV, VII, IX, XVI и др. По большей части курганы относились к подгорновскому этапу. Среди раскопанных материалов обнаружены керамика, чеканы, стрелы, бронзовые бляшки, пронизки, бусины, бронзовые и костяные ножи, шила, зеркала, пряжки, втоки и проч. [11, с. 40 – 54]. Изобразительные материалы представлены в большей степени так называемыми «тагарскими человечками» в наиболее популярных сценах охоты и баталлий, изредка встречаются зооморфные изображения. Среди последних много ординарных фигур, но имеются и исключения. Так, на массивной лежащей плите, расчищенной нами из-под слоя земли в пункте Тепсей XVI, вероятно, переиспользованной в тесинское время – взятой из близлежащего кургана подгорновского этапа тагарской культуры и разрушенного при сооружении склепа [11, с. 274 – 275] – обнаружены фигуры двух удивительных «клетчатых» коней (рис. 1).

Поверхность лицевой стороны этой плиты в настоящее время неровная, с большой площадью отслоений корки, в связи с чем часть наиболее древних изображений утрачена или испорчена. На разные грани плиты различной техникой (грубой и более изящной выбивкой, гравировкой) нанесены изображения антропоморфных фигур, животных, знаков. Большое количество рисунков прочерчено тонкими, еле замет-

ными гравированными линиями. Изображения коней выполнены в технике выбивки головами вправо и расположены один под другим. К сожалению, частично эти изображения разрушены. Нет сомнений, что выполнены они в той же манере, что и кони на скалах соседнего местонахождения Оглахты [32, рис. 12 – 15; табл. 8], не исключено, что и рукой одного мастера. Случаев, когда рисунки, выполненные как по шаблону, нанесены на скалы разных берегов Енисея или на камни соседних памятников, далеко не единичны (к ним относится сюжет «Господин коней» на Оглахтах и на Куне [33], серия однотипных всадников на Оглахтах, Тепсее, Потрошиловской, Ленищенской писаницах [16] и др.).

Рис. 1. Изображения тагарской эпохи. Тепсей VI

Особого внимания заслуживают рисунки тесинского времени (рис. 2). На Тепсее было выявлено более 20 разновременных могильников, поселений и других объектов, среди них – традиционные большие курганы-склепы, грунтовые могильники, содержавшие от 8 до 100 и более захоронений, и значительные группы небрежно сделанных могил рядом со склепами или на более древних кладбищах («впускные захоронения»), а также остатки тризн – «поминальники» (Тепсей I, III, VII, XVI, XVII) [11, с. 70]. Инвентарь представлен глиняными сосудами на коническом поддоне, роговыми, железными и бронзовыми ножами, шильями, булавами, пряжками, кольцами, пуговицами, пронизками, ажурными бляхами, стрелами, а также шкатулками, берестяными коробами, зеркалами, бусинами, обрывками золота и др. В том числе обнаружен железный кинжал в ножнах, покрытых лаком, китайская монета (Тепсей VII). У некоторых скелетов черепа были моделированы глиной (Тепсей XVI) [11, с. 83]. Рисунки на курганных камнях значительно дополняют картину, поскольку именно тесинский пласт изображений представляется разнообразным и ярким.

Особенно это относится к материалам большого тесинского склепа Тепсей XVI, который уже в древности был разграблен, изобразительные материалы могут дать представление о его истории на протяжении многих веков. М. Н. Пшеницына, производившая здесь раскопки, отмечала, что диаметр земляной насыпи достигал 24 м, а высота – 1,5 м. В основании насыпи имелись массивные столбообразные плиты [11, с. 83]. Вероятно, некоторые из них упали и в настоящее время находятся в наклонном или горизонтальном положении. По подсчетам Э. Б. Вадецкой, здесь было захоронено 25 целых мумий и 15 голов мумий [6, с. 86]. К тесинскому времени, очевидно, относятся изображения, нанесенные на большую плиту черного цвета, которая в настоящее время находится вне конструкции, в наклонном положении в южной части склепа. Возможно, в свое время она была использована в качестве разделительного камня. Ее размеры – 2 м 38 см x 94 см. Корка плиты сильно шелушится, многие изображения повреждены. Рисунки выветрены и патинизированы, видны только при удачном освещении. На ней поверхностной выбивкой нанесено несколько антропоморфных фигур весьма значительных размеров, с какими-то предметами в руках, на головах у них уборы (?) со своеобразными султанами. Поскольку в склепе были захоронены мумии, выполненные по особым правилам, нельзя исключать того, что «султаны» означали имевшиеся у мумий косы [6, рис. 85]. Достаточно хорошо сохранилось небольшое изображение животного с характерно подогнутыми под живот ногами (лошадь?), на крупе которого сидит (или стоит) всадник в своеобразной позе. Техника гравировки в его руках показан лук со стрелой. Весь камень испещрен гравированными линиями, в которых угадываются фрагменты неопределенных фигур.

Рис. 2. Изображения тесинского времени.
Тепсей VIII

Еще один своеобразный антропоморфный персонаж нанесен на другой разделительный камень склепа Тепсей XVI, расположенный в северной части склепа. У него длинные растопыренные пальцы рук, округлая голова и повернутые вправо ступни. Рядом с этой крупной фигурой изображены еще две более мелкие антропоморфные фигурки. Одна из них с неопределенным предметом в руке. Отметим, что персонажи с растопыренными пальцами рук довольно часто встречаются как на скалах, так и на курганных камнях (Барсучий лог, Большой Салбыкский курган, Есино III и др.), что предполагает, очевидно, какую-то важную семантическую нагрузку. Д. Г. Савинов, анализируя изображения на плите Салбыкского кургана, где также имеется подобный персонаж, высказал предположение, что в сцене отражен обряд так называемого «перехода» в иной мир, и не исключает, что таким образом изображались сами умершие [28, с. 115].

К настоящему времени известно несколько стилистических групп изображений тесинского времени: одна из них представлена спиральями, «лабиринтами», абстрактными фигурами и иными мотивами, выявленная Д. Г. Савиновым [24, с. 6 – 10]. Другая стилистическая группа изображений охарактеризована Я. А. Шером как «вырождение» скифо-сибирского звериного стиля [35, с. 63 – 64]. Выделена также отдельная группа рисунков, имеющих аналогии среди петроглифов Минусинской котловины, характеризующихся исследователями как «уже не тагарские, но еще не таштыкские» [15; 19; 32]. Кроме того, еще одна изобразительная традиция, характерная для тесинского времени, особенно ярко демонстрируется изображениями, нанесенными на несколько граней одного из камней пункта Тепсей VIII [17, рис. 2.2]. Изображения людей и животных, изображенные на этом камне, не крупные, выполнены изящной точечной выбивкой, очень реалистично.

Уникальной находкой 2013 г. является отдельно лежащая плита (1,14 x 86 см) из пункта Тепсей VII, на которой лишь при удачном освещении проявляются выполненные очень слабой поверхностной выбивкой и затем частично отшлифованные многочисленные антропоморфные фигуры с «султанами» на головах, в сочетании с другими плохо выявляемыми абстрактными изображениями. Рисунки этой плиты также могут быть отнесены к тесинскому времени. В отличие от уже известных плит Минусинской котловины, на которых нанесено множество антропоморфных персонажей, часто выполненных небрежно, перекрывая друг друга [13, рис. 2; 17, 2013, рис. 2–1; и др.], тепсейские тщательно проработаны и расположены в определенном порядке. Напрашивается аналогия с манерой располагать таким же образом покойников, описанная Э. Б. Вадецкой по материалам тесинского могильника Оглахты [6, с. 82 – 83].

Открытые для художников последующих эпох курганные камни использовались весьма активно вплоть до этнографического времени. Долгое время существовало предположение, что, например, таштыкских рисунков на камнях тагарских курганов нет. Но тщательный осмотр плоскостей позволил выявить множественные гравированные рисунки (к сожалению, порой чрезвычайно выветренные), в том числе и с таштыкскими изображениями. В целом археологи-

ческие материалы таштыкской культуры на Тепсее достаточно многочисленны. Основные находки были обнаружены в пунктах Тепсей III, IV, XIX, XX. Причем среди них есть поистине уникальные вещи. К ним относятся прежде всего погребальные маски, найденные в таштыкском склепе Тепсей III и дающие представление о погребальном обряде того времени [7]. После находок поминальников в пунктах Тепсей III, IV стала возможна интерпретация подобных памятников в целом. Удивительными находками таштыкского времени являются деревянные плакетки из склепа с выгравированными многофигурными композициями (всадниками, воинами, животными). Манера исполнения и стилистические особенности рисунков на тепсейских миниатюрах позволили впоследствии датировать таштыкским временем целую серию аналогичных рисунков на скалах. Пока выявленные изображения таштыкской эпохи среди рисунков на курганных камнях Тепсея немногочисленны, еще предстоит большая работа по их атрибуции. Но уже сегодня известно несколько изображений, стилистически схожих с изображениями на плакетках.

Кроме того, выявлены рисунки иной стилистической манеры, характерной уже для последующего периода эпохи средневековья, исполненные в технике гравировки. Некоторые фигуры, выполненные в технике выбивки, также могут быть отнесены к средневековью. Как и рисунки на скалах Тепсея, они пока немногочисленны. Раскопки позволили получить керамику, железные пряжки, удила и т. д.; выявлено захоронение с конем [11, с. 146 – 157]. Довольно многочисленны этнографические рисунки, большинство из которых представлено тамгами, а также антропоморфными и зооморфными фигурами, выполненными относительно небрежно (рис. 3).

Зафиксированные на камнях тамги разнообразны: среди них «очкообразные» знаки; простые окружности; окружности, разделенные вертикальной линией пополам; восьмеркообразные и др. Подобные изображения часто встречаются среди петроглифов Минусинской котловины [28, с. 114; 14, рис. 31, табл. 13; 29,

рис. 73 и др.] и скорее всего могли быть нанесены как самими создателями курганов (в таком случае их более справедливо называть «тамгообразными знаками»), так и в этнографическое время. На отдельных плитах зафиксированы также чашечные углубления, связываемые с жертвоприношениями для мертвых [29, с. 71, 72].

Рис. 3. Этнографические изображения. Тепсей VIII

Таким образом, в Тепсейском археологическом микрорайоне изучен новый изобразительный источник, расширяющий наши представления о культово-обрядовой практике населения Южной Сибири, существовавшей на протяжении многих веков. Выявленные рисунки на камнях тагарских курганов хронологически неоднородны: часть из них имеет непосредственное отношение к захоронению (тагарские изображения), что позволяет углубить наши знания о мировоззрении тагарского населения, другие такового отношения не имеют (рисунки иных эпох), но предоставляют новые данные о ряде действий, соответствовавших определенным нормам знакового поведения, а также художественным вкусам создателей рисунков в более поздние эпохи.

Литература

1. Боковенко Н. А. К вопросу о датировке некоторых енисейских изображений всадников // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75 – 80.
2. Боковенко Н. А., Леонтьев Н. В. Обследование петроглифов на юге Красноярского края // Археологические открытия 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 192.
3. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.
4. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в истории Южной Сибири: монография. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
5. Вадецкая Э. Б. Антропоморфное изображение на стенке ящика-гробика (по материалам раскопок таштыкского склепа 2 под горой Тепсей) // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова; Всеросс. науч. конф. Омск, 2000. С. 15 – 17.
6. Вадецкая Э. Б. Древние маски Енисея: монография. СПб.; Красноярск: Версо, 2009. 248 с.
7. Грязнов М. П. Комплекс таштыкских погребальных памятников у горы Тепсей // Археологические открытия 1970 года. М.: Наука, 1971. С. 202 – 204.
8. Грязнов М. П., Комарова М. Н. Раскопки у горы Тепсей на Енисее // Археологические открытия 1968 года. М.: Наука, 1969. С. 176 – 179.
9. Грязнов М. П., Максименков Г. А. Обследование берегов Красноярского моря // Археологические открытия 1971 года. М.: Наука, 1972. С. 248 – 249.
10. Грязнов М. П., Худяков Ю. С., Боковенко Н. А. Раскопки у горы Тепсей // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 198 – 200.
11. Грязнов М. П., Комарова М. П., Завитухина М. П., Пшеницына Ю. С., Худяков С. С., Миняев М. Н. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 167 с.

12. Ким Чжонг Бэ, Чжан Со Хо, Боковенко Н. А., Килуновская М. Е. Наскальные изображения Центральной Азии. Сеул, 2007. 355 с.
13. Кузьмин Н. Ю. Изображения на плитах оград тагарских курганов у села Верхний Аскиз в Хакасии // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 55 – 57.
14. Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов: монография. М.: Наука, 1980. 176 с.
15. Миклашевич Е. А. «Племя единорога» на Енисее (сяньбэйские мотивы в наскальном искусстве Минусинской котловины) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: материалы тематической научной конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 320 – 325.
16. Миклашевич Е. А. Лынищенская писаница // Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская, Лынищенская, Улазы III. Сосниха. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. Вып. X. С. 28 – 57.
17. Миклашевич Е. А. Исследование памятников наскального искусства Минусинской котловины в 2012 – 2013 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии института археологии и этнографии СО РАН 2013 год. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. Т. XIX. С. 255 – 259.
18. Николаева Т. В. Изображения на плитах оград тагарской культуры (методика и хронология): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1983. 20 с.
19. Панкова С. В. К проблеме истоков таштыкского стиля // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: материалы тематической научной конференции. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 325 – 329.
20. Панкова С. В. Таштыкские гравировки на Тепее // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск, 2004. Вып. 2. С. 52 – 60.
21. Панкова С. В. Изображения посттагарского и таштыкского времени на скалах Минусинского края // Археологические экспедиции за 2004 год: сб. докладов. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. С. 74 – 84.
22. Пшеницына М. Н. Культура племен Среднего Енисея во II – I вв. до н. э. (тесинский этап): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1975. 27 с.
23. Савинов Д. Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Известия кафедры археологии. Кемерово, 1976. Вып. 8. С. 57 – 73.
24. Савинов Д. Г. Тесинские лабиринты (по материалам могильника Есино III) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 6 – 10.
25. Савинов Д. Г. О происхождении таштыкского стиля // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995. С. 6 – 10.
26. Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984 – 1989 гг.): монография. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. 226 с.
27. Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986 – 1989 гг.): монография. СПб.: ЭликСис, 2012. 180 с.
28. Савинов Д. Г. «Обряды перехода» на курганных плитах Среднего Енисея // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан, 2013. Вып. 1. С. 112 – 120.
29. Семенов В. А., Килуновская М. Е., Красниенко С. В., Субботин А. В. Изображения на плитах тагарских курганов (Шарыповский район Красноярского края): монография. СПб.: ЭликСис, 2003. 122 с.
30. Советова О. С. Сюжет с великанами на скалах Тепея // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 173 – 176.
31. Советова О. С. Петроглифы горы Тепсей // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. С. 33 – 54.
32. Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы): монография. Новосибирск: изд-во ИАиЭ СО РАН, 2005. 140 с.
33. Советова О. С. «Господин коней» на Кунинских скалах // Археология Южной Сибири: сб. научных трудов, посвященных 30-летию кафедры археологии КемГУ. Кемерово: Летопись, 2006. С. 128 – 130.
34. Советова О. С., Аболонкова И. В. Изобразительные традиции наскального искусства в контексте археологического материала Тепсейского микрорайона // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Вып. 3(55). Т. 4. С. 68 – 76.
35. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии: монография. М.: Наука, 1980. 328 с.

Информация об авторах:

Советова Ольга Сергеевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, olgasetova@yandex.ru.

Olga S. Sovetova – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.

Шишкина Ольга Олеговна – студентка 3 курса факультета истории и международных отношений КемГУ, haruki.yoko@yandex.ru.

Olga O. Shishkina – student at the Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 28 июля 2014 г.